

Выходные - в доме Кушины.

В центре гостиной собралась дюжина человек.

— Асума, теперь твоя очередь. Ты можешь двигаться быстрее?

— Асума, ты знаешь, как играть?

— Прекрати спорить. Разве ты не слушал, что сказал Сосэки? Не разговаривайте, наблюдая, как другие играют в карты, это хорошо! ах ~ я увеличу его еще на 50.000.

— Сбросьте (x3)!

— Вау, Асума, ты довольно хорош!

В коридоре.

— О, я не потеряю тебя. Теперь мне просто нужно еще немного, чтобы победить...

У пруда.

— Соревнования по ловле черепах начались, ограничений по средствам нет... Подожди, ты не можешь осушить пруд.

Во дворе Кушина была занята приготовлением барбекю.

— Кушина-ни, кажется, мы действительно беспокоим тебя, — сказал Сосэки, моя овощи рядом с ней.

— Как можно называть подобные вещи беспокойством? Кушина уставилась на него. Если бы не то, что она не могла выдернуть свою руку, она бы хотела, чтобы Сосэки вспомнила свой страх быть сжатой сейчас.

— По правде говоря, я был неосторожен и не контролировал количество людей!

— Хорошо, когда у нас много знакомств, большое количество друзей... Это не заставит вас чувствовать, что вы забыты миром!

Слушая радостные возгласы и смех вокруг, ее взгляд смягчился:

— Только теперь я не буду думать, что я... человек без "корней".

Сосэки на мгновение замолчал, а затем внезапно сменил тему и спросил:

— Кушина-ни, как сейчас поживает печать в твоём теле?

— Все по-прежнему, фуиндзюцу старика Сандаиме никуда не годится, — Кушина презрительно фыркнула, а затем безразлично махнула рукой: — Но не беспокойся об этом. Прямо сейчас я уже не тот, что раньше, так что этот старый лис больше не сможет мной управлять!

Сосэки вздохнула с облегчением, а затем нерешительно спросила:

— Кушина-ни, ты когда-нибудь думала о том, чтобы... использовать другой способ помириться с монстром внутри твоего тела?

— Другим способом? — Кушина моргнул, думая про себя: — Проваливай, верно? Но я чувствую, что не смогу победить это!

— Нет, я имею в виду воздействовать на это любовью! — Затем Сосэки достал из-за спины стопку игральных карт и положил ее перед Кушиной.

— Разве это не та, в которую они играли? — Кушина указала, и Обито с отчаянным выражением лица сунул карты в рот.

Сосэки отвел взгляд:

— Ты можешь сказать, что игры - лучший способ выразить дружбу, увидев, как они так счастливо смеются.

— А ему бы понравилось такое? — Кушина все еще не может в это поверить. В конце концов, почти невозможно связать такого ужасающего монстра, как Кьюби, с такими игральными картами, как эта.

— Откуда ты знаешь, если не пытаешься? — Сказал Сосэки и вздохнул: — На самом деле, основываясь на некоторых моих наблюдениях и анализе, я подозреваю, что эти биджу больны!

Услышав это, глаза Кушины расширились, и она спросила:

— Болезнь?

— Да, и это очень серьезное психическое заболевание! — Сосэки кивнул: — Все эти монстры должны быть разумными, верно? Но с тех пор, как они родились, люди боялись их из-за их ужасающих размеров и могучей силы, и даже с их так называемым одинаковым видом кажется, что пока они встречаются, они будут сражаться по какой-то причине.

— Значит, все эти биджу одиноки, и это одиночество, длящееся тысячи лет, наполнило их пустые сердца желанием разрушать, ты так не думаешь?

Услышав это, Кушина была рассеянна:

— Да, мне уже было очень больно сразу после того, как я несколько лет была одна. Какие переживания они должны испытывать после того, как пробыли в одиночестве тысячи лет?

Думая об этом, Кушина посмотрела на собаку на своей печати с оттенком сочувствия.

Видя, что Кушина погрузилась в размышления, Сосэки улыбнулся:

— Самое главное, что ты ничего не теряешь, пытаясь это сделать, верно?

Кушина энергично кивнула, схватила карточку и сказала торжественным голосом:

— Я понимаю, я сейчас это посмотрю!

В то же время большая собака в тюлене затрепетала ушами, и довольно раздраженный и смущенный голос тюленя эхом отозвался в нем:

— Я не болен, чертово человеческое отродье!

— Кроме того, даже если я буду запечатан на сто лет, и даже если мне будет скучно до

безумия, я никогда не приму твою благотворительность!

...

Во внешнем мире прибытие Мизуки вызвало переполох.

Воспоминания украсят образ человека.

Когда год спустя Мизуки снова появилась, все давно забыли о неприятных вещах в прошлом, и вместо этого это сменилось беспокойством и ожиданием.

— Мизуки, я слышал, что ты тренируешься в тайдзюцу с прошлого года?

— Система прохождения чакры в моем теле повреждена, поэтому чакра не может течь, но я все еще могу тренироваться в основах тайдзюцу.

— Ты уверен, что работаешь не слишком усердно? Вы ранены, но вы все равно не отдохнули в больнице!

— Это верно. Даже мы в Академии так усердно не работали!

Мизуки не ответил. Его глаза были полны холода, и потеплело в них только тогда, когда он посмотрел на внутренний двор.

Конечно, он не забудет человека, который осмелился поспорить с таким великим человеком, как Цунаде, чтобы дать ему надежду выбраться из пропасти, и который так усердно работал, чтобы заплатить за него, когда его пособия для сирот было недостаточно, чтобы покрыть непомерные больничные счета.

— Вы все знали, что Сосэки отказался от досрочного окончания школы, чтобы сдержать свое обещание, но вы все не умели усердно работать и бесконечно растрачивали его доброту и преданность делу!

Мизуки равнодушно отошел и начал тренироваться самостоятельно:

— Я не такой, как ты, некомпетентный мусор. Мне приходится работать в десять, а то и в сто раз усерднее, чем раньше, чтобы стать самым ценным инструментом в руках Сосэки!

На лужайке с другой стороны.

— Кузен Шунен, что случилось? Съев карточки, Обито выбежал на улицу и, проследив за взглядом Шунена, увидел мужчину в белой больничной одежде, который тренировался в одиночестве: "Вау, этот сепай действительно усердно работает. Ты знаешь его, кузен Шунен?"

— Как я мог не знать? — Шунен горько улыбнулся: — Тогда я и мой "компаньон" избили его подобным образом.

Обито был шокирован:

— Эээх, разве ты не говорил, что расстался с теми плохими парнями в прошлом году?

— Его травма осталась с прошлого года.

— Как это могло не зажить после стольких лет?

— Потому что мы серьезно ранили его и разрушили его надежду стать шиноби!

— Это, это... — Обито ошеломленно посмотрел на своего двоюродного брата, в конце концов, такого рода вещи - это уже слишком.

— Это уже слишком, верно? — Возможно, прочитав мысли Обито, Сюнен вздохнул с кривой улыбкой: — Вот почему я тогда сказал тебе, что есть некоторые вещи, которые невозможно исправить, сколько бы ты ни делал!

— "Буду ли я в будущем таким же, как кузен Шунен?" — Как только возникла эта идея, Обито прямо опроверг ее и радостно сказал: — Этот ублюдок в прошлый раз не сказал ничего плохого. Мой талант настолько плох, что даже если я захочу быть плохим парнем, я не смогу им стать! Ха-ха!

Рин, которая была рядом с ними, не удержалась и спросила:

— Этот старший слишком жалок, неужели даже Цунаде-сама не может вылечить его?

— Я слышал, что по каким-то особым причинам Цунаде-сама, похоже, не может проводить лечение.

— Эээхх? Тогда что же с ним будет?

Услышав это, Сюнен внезапно рассмеялся:

— Неужели вы, ребята, думаете, что я уважаю Сосэки только потому, что он наставляет меня на правильный путь?

— Это потому, что Сосэки-семпай изменил решение Цунаде-сама?

Сюнен покачал головой и сказал сложным тоном:

— Сосэки взял на себя мою вину и несет ее сам. Он хочет сам прооперировать Мизуки.

Рин была шокирована:

— Это слишком...

Увидев выражение лица Рин, Обито в замешательстве спросил:

— Рин, с этим есть какие-то проблемы? Разве ты не говорил в прошлый раз, что Сосэки-семпай руководила многими операциями!

Рин покачала головой и сказала:

— Все это были незначительные операции, и вероятность успеха очень высока. Однако вероятность успеха такой операции, которая поможет кому-то снова стать шиноби, была бы смехотворно низкой, и это также сопровождается большими рисками.

— Ни один обычный ниндзя-медик не согласился бы провести такого рода операцию. Если вы не будете осторожны, то можете заработать себе репутацию "доктора-шарлатана-убийцы". Можно сказать, что Сосэки-семпай использует свою репутацию в качестве ставки!

Какаши, который стоит рядом с ними и с самого начала хранил молчание, внезапно кое-что

вспомнил.

С прошлого года в Конохе ходили слухи, что его отец нарушил правила шиноби для своих спутников. Хотя эта миссия в конечном итоге едва завершилась из-за могущественной силы его отца, но эти сплетни не исчезли полностью.

Он также спросил своего отца, стоило ли оно того, но его отец только улыбнулся и сказал, что поймет, когда вырастет.

Подумав об этом, Какаши внезапно спросил вслух:

— А оно того стоит? Даже если он не встанет, никто не сможет его винить.

— Я не знаю, — Нежный голос Сосэки донесся спереди.

— Ты не знаешь? — Какаши внезапно удивленно поднял голову.

— Я сказал, что не знаю, я не знаю, как судить с вашей точки зрения, — Сосэки слегка улыбнулся: — Это отличается от Сюнэна и других. Что касается них, то я могу судить, что их травля абсолютно неправильна. Но сейчас эта ситуация не имеет ничего общего с правильным или неправильным.

— Итак, даже если я скажу вам свой ответ, вы можете с ним не согласиться, и только вы сами можете дать вам ответ.

<http://tl.rulate.ru/book/73399/3357395>